

Образы героев в «Думах» К.Ф. Рыльева

© Т. П. НЕСТЕРОВА,
доктор филологических наук

В статье исследуется стиль гражданского романтизма К.Ф. Рыльева, который ярко проявился в исторических образах его «Дум». Они являются образцами патриотизма и доблести и отражают взгляды поэта-декабриста.

Ключевые слова: думы, исторический образ, тиран, самодержавие, свобода, декабрист.

This article examines the style civil romanticism of K.F. Ryleev. His style evident in the historic images of his «Thoughts». They are examples of patriotism and valor and reflect the views of the poet-decembrist.

Key words: thoughts historical image, tyrant, autocracy, freedom, decembrist.

Думы занимают важное место в творчестве К.Ф. Рыльева. Они создавались в начале 1820-х годов, то есть в то время, когда поэт впитывал в себя политические идеи, названные впоследствии декабристскими. Запросы общества и собственное оригинальное мышление позволили поэту сделать очередной шаг в разработке волновавших современников вопросов самодержавного плана. В связи с этим особый интерес вызывает тема власти и образы властителей в думах.

Предание о походе князя Олега на Царьград и смерть от своего коня положены в основу думы Рыльева «Олег Вещий» (1821 или 1822). Поэт через конкретную личность стремится приобщиться к сокровенным тайнам русской природы. Рылеев не пишет длинного монолога, наполненного морализаторским, дидактическим смыслом, что характерно для других дум. Всего одну короткую фразу произносит Олег на подходе к Византии, обращаясь к дружине: «Идем, друзья!» Поэтому его нельзя назвать героем-резонером, каким являются многие персонажи других дум. «Наскучив мирной тишиною», князь замыслил «приступ смелый» византийской столицы. Победив императора Леона, Олег, «объятый праведным презреньем», взяв дань, «успехов подвигов довольный», «помчался в град престольный на быстрых парусах».

На первый взгляд, действия Олега носят ярко выраженный индивидуалистический характер, не имеющий общего с государственными интересами, если бы «не щит с гербом России», прибитый «к царьградским воротам». В письме поэту А.С. Пушкин сразу указал на допущенную фактическую ошибку, посчитав необходимым исправить ее – убрать из текста *герб России*, так как «древний герб, с. (втятой) Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III» [1]. Однако Рылеевым не были сделаны эти исправления – символический смысл герба с орлом оказался для него, вероятно, важнее исторической верности. О том, что неточность является не досадной оплошностью, может свидетельствовать продуманная структура произведения с четко просматриваемым делением на две части, каждая из которых по-своему характеризует Олега. В первой части (1–10 строфы) герой, представленный лишь по имени, вписан в круг личных устремлений; нигде даже не упоминается его княжеское достоинство. Во второй части (11–17 строфы) Олег, названный Рылеевым «князем России», призывает штурмовать город. Его поход воспринимается уже как государственная необходимость, к тому же одобренная народом, который, узнав о победе князя, «прославил подвиги Олега», к нему «восторг свой изъявлял».

Большое значение Рылеев уделяет воинам, разделившим с князем победу. Ему важно подчеркнуть доблесть этих людей. В связи с этим поэт употребляет эпитет *храбрая*, в котором подчеркивается признак, уже традиционно заложенный в определяемом слове *дружина*. Но это кажется

поэту недостаточным. Он вводит еще слово *героев*. Это впечатление усиливают эпитет *славные дела*, метафора *сгорая пылкой жаждой боев*.

Прием контраста, положенный в основу характеристики князя Олега и императора Леона, раскрывает образы героев не только как военных противников, но и как правителей: Олег *Вещий*, Леон – *Император самовластный*. Олег, «Замыслив приступ смелый, / Прибил свой щит с гербом России / К царьградским воротам». Император терпит поражение: «Послов и дань – за мир позорный / К Олегу шлет Леон».

Особое значение в думе «Иван Сусанин» (1822) имеет предсмертный монолог главного героя, экспрессивный накал которого выражен через обилие восклицательных знаков. Герой произносит речь не только от своего имени, но и от лица всех русских людей. Об этом говорит продуманное употребление местоимений различных лексико-семантических разрядов. Первая группа местоимений раскрывает состояние лирического героя: притяжательное местоимение («...Убейте! Замучьте! – моя здесь могила»), личное местоимение («я спас Михаила», «я не боюсь»); вторая группа соотносится со всеми русскими людьми: определительное местоимение *каждый* («каждый отчизну с младенчества любит»), притяжательное местоимение *своей* («и душу изменой своей не погубит»), относительное и указательное местоимения *кто – тот* («кто русский по сердцу, тот бодро и смело / И радостно гибнет за правое дело»). При этом местоимения, характеризующие общенациональные идеалы, находятся в кольцевом обрамлении местоимений, помогающих понять характер Ивана Сусанина. Его речь, полная возвышенных гражданских чувств, выявляет не только мироощущение этого патриота, но и глубинный смысл национального мировоззрения в целом. Оно раскрывается через понятие *отчизнолюбие*, связанное с монархическими идеями. Данной задаче подчинена речь героя: «Ни казни, ни смерти и я не боюсь: / Не дрогнув, умру за царя и за Русь» [2. С. 177].

Таким же выводом поэт завершает думу:

И твердый Сусанин весь в ранах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила! [Там же].

Желая подчеркнуть высоту помыслов и нравственных черт героя, автор применяет качественное прилагательное *чистый* в значении цвета снега с прилагательным в превосходной степени *чистейшая кровь*.

Патриотизм, державные интересы лежат в основе образа и другого древнего правителя Руси – Святослава в думе «Святослав» (1822). Важную роль в думе играет топка, соединяющая национальную древность и Россию восемнадцатого столетия. В давние времена «на брегах Дуная» «с Цимискием в борьбе кровавой» «наш Святослав увенчан славой». Здесь же «владыка гордой Византии / Свидание и мир с собой / Здесь

предложил главе России». Спустя много столетий, во время русско-турецкой войны, в сражении у Кучук-Кайнарджи «войска белого царя / Покрыли берега Дуная»: «И русский знамя водрузил, / Где греков праотцы громили» [С. 133].

С помощью приема ретроспекции образ Святослава замыкается в рамке державного мировоззрения, где верховная власть стоит во главе государства, способствуя его процветанию.

Сложной натурой показан в думах князь Владимир. В соответствии с былинными традициями изображен в думе «Боян» (1821) «Владимир-Солнце». Включение в произведение устаревших слов, славянизмов помогает не только проникнуться духом эпохи, но и ярче представить князя, который, «разбив болгар», «в светлой гриднице» «на шумном пиршестве с друзьями веселился». Иную поэтическую рефлексию передает автор в думе «Владимир Святой» (1822 или 1823): «Ни гром побед, ни звуки славы, / Ничто Владимира утешить не могло». «Рокот струн живых» играющего на гусях Бояна не ласкает слух князя-язычника, находящегося на духовном перепутье. Владимир страдает, видя Русь на духовном изломе, Боян счастлив воспевать величие родной земли, пророчествуя о ее великом будущем. Чтобы понять высокое предназначение Отечества и свою роль в нем, князю необходимо проникнуться той гармонией, которую внушает певец. Великий князь этого пока не слышит. Но Владимир запомнил свою миссию правителя, о которой сообщил встреченный старец, внушивший ему обратиться к Богу: «Крести себя, крести народы» [С. 203].

Авторскую позицию раскрывают образы языческих божеств (Перун, Чернобог), христианские образы (ангелы, распятие, Страшный суд, ад), геокультурные объекты (Греция, Херсон), помогающие передать два периода в жизни князя – язычество и христианство. Разные речевые стихии имеют точку соприкосновения через гражданские мотивы, показывающие героя правителем Русской земли, постоянно пекущимся о ее благоденствии.

Смысловые границы образа князя Полоцка Рогвольда в думе «Рогнеда» (1821 или 1822) раздвигаются, поскольку его облик выходит за рамки конкретной личности, представляя идеального правителя. Поэту важно поэтически закрепить родственную связь Рогвольда с династией Рюриковичей. Для этого используется прием перифраза. Рогвольд «От тех варягов происходит, / Которых дивный ряд побед / Мир в изумление приводит» [С. 137].

Стремясь акцентировать внимание на какой-либо важной для себя мысли, поэт использует инверсию: «приветливо и кротко правил», «томились жаждой дел великих», «сверкали в дебрях их мечи». Через возвеличивание других народов поэт прославляет власть Рогвольда. Соседи-правители названы царями («цари союза с Полоцком искали»),

иноплеменники – богатырями («чуждые богатыри ему служить за честь вменяли»).

Таким же резонером является героиня думы «Ольга при могиле Игоря» (1821 или 1822), речь которой наполнена лексикой, в контексте декабристской идеологии приобретающей дополнительный политический оттенок. В произведении встречаются фразеологизмы, состоящие из имени существительного и определяющего его прилагательного («с думою унылой», «позорной данью», «кровопролитной бранью», «лютой мести»); из двух существительных («деяний славы», «виновник зла», «несправедливость власти»); глагольные фразеологизмы («не внял молениям», «сбирать покорства дани», «сбросить ига бремя»). Ольга указывает Святославу на справедливость расправы древлян над князем Игорем («сам виновен в смерти он», «виновник зла пал жертвой лютой мести»).

Использование сочинительного союза *и* помогает автору донести принципиальную для него идею благородства державной власти: «И князь несчастлив и народ, / Где на престоле страсти» [С. 130].

Рылеев употребляет слово *страсти* в православном значении – как греховное состояние человека.

Напутствие Ольги малолетнему сыну, будущему великому князю Святославу, держится на глаголе в повелительном наклонении *будь*. Обозначая приказ, глагол указывает на обязательность выполнения данных требований монархом для успешного правления и благоденствия державы:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим,
И жить в веках достоин! [С. 130].

Иоанн Грозный в думе «Курбский» (1821) – «неистовый тиран», «тиран отечества драгова». Но «князь Курбский, вожь молодой» не считает достойным для себя возглавить войско «к кровавой брани» с ним. В произведении поход против царя для героя является и войной с Отечеством, что противоречит исторической справке, написанной к этой думе П.М. Строевым. Историк утверждал, что противник русского царя «забыл отечество, предводительствовал поляками во время их войны с Россиею и возбуждал против нее хана Крымского» [С. 162]. Большую роль играет мотив одиночества героя, который усиливает обилие глаголов несовершенного вида и отрицательных частиц *не* и *ни*:

Но, ах! Ни почести велики
Не веселят в краю чужом.
Ни ласки чуждого владыки.
Я всё стенаю и грущу,
И на пирах сию угрюмый... [С. 163]

В думе «Борис Годунов» (1821 или 1822) семантика фразеологизма «глас совести», важного для авторской позиции (об этом свидетельствует его неоднократное упоминание), также рассматривается с православной точки зрения. *Глас со-вести* – это то, что идет от Божией вести. В данном контексте фразеологизм символически связан с такими выражениями, как «тайный глас», «глас святой надежды», «священный в сердце глас», «от тайной сердца укоризны», «глас сей сокровенный». Душе «убийцы отрока святого», «злодейством омраченной», тяжело чувствовать голос совести: «Глас совести в чертогах и в глуши / Везде равно меня тревожит».

В начале 1820-х годов Рылеев работал над думой «Вадим», посвящённой восстанию новгородца Вадима Храброго против князя Рюрика. Остался лишь отрывок, по всей вероятности, начало думы, где традиционно герой изображен на фоне романтической картины природы:

Над кипящею пучиною,
Подпершись, сидит Вадим,
И на Новгород с кручиною
Смотрит нем и недвижим [3. С. 5].

«Хладен, крепок витязь пламенный», Вадим противопоставлен не только иноземным захватчикам, но и «в грозных битвах за народ» самому народу:

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим [Там же].

Как видно, декабриста Рылеева восхищают насильственные методы борьбы героя. Тем не менее поэт оставляет Вадима в момент раздумья над своими будущими действиями, никогда более не возвращаясь к замыслу о новгородском восстании. Судя по тому, что для Рылеева оказалось невозможным соединить декабристские убеждения с жизнью, пусть даже условной, созданной поэтической фантазией, его собственное мировоззрение, по крайней мере, во время создания дум, не имело гармоничной цельности и устойчивости.

Рылеев обращается в думах к историческим героям разных веков. Их монологи-проповеди, поступки, направленные против тирании, кровавых междоусобиц, врагов Отечества, нисколько не противоречили «родовой» памяти русского народа, никогда не ставившего знака равенства между самодержавием и деспотизмом. Нерасчлененность в художественном мировоззрении поэта государственно-охранительных и государственно-разрушительных идей стали во многом причиной антиисторизма его героев.

Литература

1. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 20 т. М., 1996. Т. 13. С. 176.
2. *Рылеев К.Ф.* Сочинения. М., 1983. Далее указ. только стр.
3. *Рылеев К.Ф.* Сочинения и переписка. СПб., 1872.

*Мичуринский государственный
аграрный университет*

